

На правах рукописи

Рокина Галина Викторовна

**Теория славянской взаимности
в истории словацко-русских научных
и культурных связей XIX века**

Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история
(новая и новейшая история)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань
2005

Работа выполнена на кафедре истории Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской

Научный консультант : – Заслуженный деятель науки
Республики Татарстан,
доктор исторических наук, профессор
Шарифжанов Измаил Ибрагимович (Казань)

Официальные оппоненты: – доктор исторических наук, профессор
Матвеев Геннадий Филиппович (Москва);

– доктор исторических наук
Шемякин Андрей Леонидович (Москва);

– доктор исторических наук, профессор
Юсупов Ривкат Рашидович (Казань)

Ведущая организация:

Самарский государственный университет

Защита состоится 8 декабря 2005 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.01 в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд.1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан « _____ » ноября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кашафутдинов Р.Г.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Проблемы славянской идеологии, к которым относится и идея славянской взаимности, являются предметом пристального внимания исследователей. Образ всеславянства, особой исторической роли «славянской цивилизации», оказали влияние на формирование национального самосознания и процесс складывания государственности народов Центральной и Восточной Европы.

На протяжении полутора столетий идея славянской взаимности присутствует в политическом и этнопсихологическом сознании народов Европы. При этом исторический опыт, полученный разобщенными славянами в разных странах, религиях и культурах, чаще перевешивает романтические представления о духовном и племенном родстве.

Несмотря на то, что в современном славянском мире возобладала идея региональной идентичности, использованная в Европейском Союзе и самостоятельных национальных государствах Центральной и Восточной Европы (Чешская Республика, Словацкая Республика, Польская Республика, самостоятельные югославянские государства, Украина), не снят с повестки дня вопрос о сохранении объединительных тенденций славянских народов. Существует целый ряд национальных партий и международных организаций, которые в своих политических программах по-прежнему выдвигают лозунг славянского единства¹. Все это обуславливает научный интерес к изучению концептуальных основ славянского единства, к истории развития межславянских контактов.

В исторической науке признанным является факт, что теория славянской взаимности впервые была сформулирована в словацком национальном движении. Именно у словаков, не имевших в XIX в. своей государственности и входивших в состав Венгерского королевства, которое в свою очередь являлось частью Австрийской империи, идея славянская взаимности получила наиболее полное теоретическое и практическое воплощение.

Феномен словацкого происхождения теории славянской взаимности во многом объясняет история словацко-русских контактов в XIX в. На фоне распрей и раздоров «братьев-славян» эти отношения

¹ См.: Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. – М., 1998 г.; Кикешев Н.И. Славянский мир: прародины и предки. – М., 2003; В июле 2005 г. в Минске прошел очередной IX международный съезд славян.

представляли собой редкий пример постоянства симпатий. На интенсивность и характер словацко-русских взаимоотношений значительное влияние оказывали повороты внешней политики Австрийской и Российской империй. До сих пор в историографии нет комплексного научного исследования истории развития словацко-русских связей на протяжении всего XIX в.

Актуальность необходимости научного изучения истории этих контактов подтверждают и современные социологические исследования о восприятии словаками русских².

Объектом данного диссертационного исследования является история межславянских отношений в XIX в. и развитие теории славянской взаимности.

Предметом исследования является содержание основных положений словацких вариантов теории славянской взаимности, а также практика ее воплощения в словацко-русских научных и культурных связях XIX в. Важнейшей частью исследования стало определение степени словацко-русского взаимовлияния на оформление теории славянской взаимности. В силу государственных и политических причин словацко-русские контакты осуществлялись лишь в научной и культурной сфере. Эти контакты представляли собой деловую и личную переписку представителей словацкой и российской сторон, обмен литературой и научной информацией, научные командировки и поездки в славянские земли российских университетских профессоров, общественных деятелей, писателей, меценатов; поездки в Россию словаков, достигавшие в отдельные периоды истории уровня эмиграции; отражение проблемы в периодической печати; совместное участие в славянских съездах 1848 и 1867 гг.

Хронологические рамки исследования включают период возникновения и развития словацко-русских научных и культурных связей с 1820-х гг. и доводятся до 1890-х гг. 1820-е гг. – время оформления теории славянской взаимности и начала первых научных контактов между словацкими и российскими учеными; 1890-е гг. – период появления в словацком национальном движении новых идей, политических программ и лидеров, прервавших русофильскую традицию словацко-русских взаимосвязей. В целом, 1820-1890-е гг. были временем, когда развитие словацко-русских контактов стало

² Е.А.Правда. Как современные словаки воспринимают русских (По материалам экспериментального исследования) // Slovensko-ruské vzťahy a súvislosti. –Bratislava-Nitra, 2002. –S.246-256.

наглядным отражением эволюции теории и практики идеи славянской взаимности.

Степень изученности проблемы. Славянский вопрос можно отнести к традиционным геополитическим ценностям России, он постоянно находится в центре внимания отечественной и зарубежной историографии. Существует обширный круг научной литературы, очерчивающий основные вехи истории словацко-русских научных и культурных связей XIX в. В диссертационном исследовании первая глава специально посвящена подробному анализу историографии проблемы. При этом в каждой из глав диссертации отдельные сюжеты истории словацко-русских связей рассматриваются на историографическом фоне. Более подробно изучены словацко-русские отношения, в первую очередь литературные контакты, первой половины XIX в. Почти без внимания осталась вторая половина столетия, в исследованиях редко затрагивался политический характер этих контактов, литературные связи рассматривались вне фона развития русско-австрийских отношений. В работах много разногласий и противоречивых оценок одних и тех же явлений, в первую очередь значения идеи славянской взаимности в истории словацкого народа, степени информированности российского общества о словаках и их национальном движении, степени политической ангажированности участников словацко-русских связей. На разных этапах развития историографии по-разному оценивалось значение идеи славянской взаимности и ее адептов в межславянской коммуникации. Без внимания исследователей остался политический аспект словацко-русских взаимоотношений последней трети XIX в., когда словацкая проблема стала составной частью славянского вопроса Австрии и России и важным аргументом в идеологических программах русских панславистов.

Источниковая база. Круг исторических источников, использованных в диссертации, весьма широк, что обусловлено характером поставленных задач и широкими хронологическими рамками диссертационного исследования. В работе были привлечены источники российского, чешского, словацкого, польского, югославянского, венгерского и немецкого происхождения. Часть из них - архивные материалы, часть - публикации на русском, чешском, словацком языках. Значительный массив архивных материалов, выявленных автором в ходе многолетней исследовательской работы, впервые вводится в научный оборот. Архивные источники представлены фондами центральных российских архивов Москвы и

Санкт-Петербурга, а также архивов Праги (Чешская Республика), Братиславы и Мартина (Словацкая Республика). В исследование включены источники различного характера - официальные документы из архивов министерств Российской империи и Российской императорской академии наук, частные документы личных архивов российских, словацких и чешских ученых, государственных и общественных деятелей. В работе используются различные виды опубликованных источников. Это публикации сочинений словацких, чешских и российских авторов (трактаты, научные труды, художественные произведения, публицистика), в которых разрабатывалась концепция славянской взаимности; публикации дневников, корреспонденции и мемуаров участников событий; российская, венгерская, чешская и словацкая периодическая печать. В целом источниковую базу можно признать репрезентативной, учитывая поставленные в работе цели и задачи. Подробной характеристике источников посвящен третий параграф первой главы данного диссертационного исследования.

Основная цель представленного диссертационного исследования – раскрытие сложной и противоречивой эволюции теории славянской взаимности на фоне исторической реконструкции словацко-русских научных и культурных контактов XIX в.; изучение взаимовлияния словацкого и русского факторов на развитие теории и практики славянской взаимности. Для достижения намеченной цели необходимо последовательное решение **ряда задач**:

– выявление этапов развития словацко-русских научных и культурных связей и их особенностей в связи с изменениями внешнеполитической ориентации Российской и Австрийской империй, хода развития словацкого национального движения и внутривнутриполитической ситуации в России;

– компаративный анализ основных положений трактата Я. Коллара о славянской взаимности, сочинения Л. Штура «Славянство и мир будущего», взглядов С. Гурбан-Ваянского и российских приверженцев идеи славянской взаимности; определение их места и роли в развитии теории славянской взаимности и истории словацко-русских связей XIX в.;

– историческая реконструкция практики словацко-русских контактов на примерах деятельности адептов идеи славянской взаимности;

– изучение проблемы взаимосвязи словацкого национализма и русского панславизма в истории Австрийской и Российской империй в последней трети XIX в.;

– определение места и значения теории славянской взаимности в развитии славяноведения в XIX в.

Методологические основы исследования. Основополагающими в процессе работы над диссертацией стали принципы историзма, научной объективности и неразрывности исторического процесса. История возникновения и эволюции теории славянской взаимности на фоне развития словацко-русских связей рассматривается в тесной связи с процессами, которые происходили в социально-экономической, политической и духовной жизни Австрийской и Российской империй, в соответствии с этапами словацкого национального движения и формирования российской славянской политики. В качестве базового подхода к изучению заявленной темы был использован междисциплинарный подход к историческому исследованию, поскольку проблематика диссертации соотносится с несколькими научными дисциплинами: всеобщей историей, историей Отечества, историей международных отношений, славяноведением, теориями национализма, этнополитикой. В этой связи методология настоящего исследования включает понятийный аппарат, а также некоторые методы исследования, предлагаемые этими научными дисциплинами. При написании работы использовались и общенаучные методы исследования (логический, структурно-функциональный, метод классификации и систематизации), а также сравнительно-исторический.

Научная новизна диссертации. Впервые в отечественной и зарубежной историографии проведено комплексное и всестороннее исследование теории славянской взаимности на обширном архивном материале истории словацко-русских научных и культурных связей на протяжении восьми десятилетий XIX в. В научный оборот вводится обширный пласт новых исторических источников, позволяющих правильно оценить значение и место теории славянской взаимности в истории словацко-русских связей, а также роль этих связей в истории межславянских контактов и в российской славянской политике. Сравнительное изучение широкого комплекса источников в свою очередь помогло преодолеть сложившиеся стереотипные оценки и предубеждения по отношению к идее славянской взаимности и панславизму лишь как к инструментам политических интриг противоборствующих западного и славянского миров. В работе

представлен процесс складывания этнонациональных стереотипов, в частности формирование образа России в среде зарубежных славян и образа представителя словацкой нации в кругу российской читающей публики; возникновение представлений о предназначении своего народа, вырабатывавшиеся национальной элитой.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты исследования, выводы диссертации и обширный конкретно-исторический материал могут быть использованы в различных учебных курсах; изучении истории межславянских контактов, в частности словацко-русских, в новых исторических условиях. Материалы и выводы диссертации также могут быть применены в теоретическом поле исследований национализма: осмыслении природы национализма «малых» и «больших» народов, определении места словацкого национализма и русского панславизма в истории национальных движений. Представленные в диссертационном исследовании выводы и заключения могут быть использованы в университетской практике преподавания истории народов Центральной Европы, истории южных и западных славян, истории международных отношений, отечественной истории, а также в спецкурсах по истории славянских движений народов Австрийской империи; подготовке учебных пособий. Материалы диссертации могут быть полезны в работе недавно созданной международной комиссии словацких и российских историков при Российской и Словацкой академиях наук.

Апробация диссертационной работы. Основные положения и выводы диссертации представлены в научных публикациях автора, выступлениях на конференциях и съездах: XII Всесоюзной конференции историков-славистов (Москва, 1990 г.); XI международном съезде славистов (Братислава, 1993 г.); межгосударственной научно-теоретической конференции «Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии» (Иваново, 1993 г.); научной конференции «Генезис национализма в Средней Европе: Ян Коллар и славянская идея» (Братислава, Институт истории Словацкой академии наук, 1994 г.); международной научной конференции, организованной Матицей словацкой, «Людовит Штур в связях прошлого и современности» (Братислава-Модра, 1997 г.); Ломоносовских чтениях в МГУ (1998 г.); Вторых Петербургских Кареевских чтениях по новистике (Санкт-Петербург, 1999 г.); научных конференциях по славянской идеологии, организованных центром

«Россия и славянские народы в истории науки и общественной мысли» Института славяноведения РАН (Москва, 1993, 1996, 1997, 2000 гг.); «круглом столе» журнала «Родина» и кафедры истории южных и западных славян МГУ «Национальное возрождение: современный взгляд из России» («Родина», 2001, №1-2); международной конференции «Национальный вопрос в Средней Европе в 1848-1938 гг.» (Прешовский университет и Австрийский институт Восточной и Юго-Восточной Европы. Прешов, 2003); ежегодных Тарасовских чтениях в Йошкар-Оле (МГПИ, 1994-2004 гг.); международной научной конференции «Конфессии, культурные идентичности и протонациональные дискурсы в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе» (Будапешт, 2004 г.); научной конференции, организованной Институтом славяноведения РАН совместно с РГГУ «А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения» (Москва, 2004) и других.

Некоторые теоретические положения и выводы диссертации были использованы в ходе реализации межвузовских проектов Совета ученых-гуманитариев Республики Марий Эл «Диалог культур в полиэтническом регионе» и «Человек в полиэтническом регионе» (1996-2000 гг.).

Материалы диссертации использовались автором при чтении общего курса лекций по истории южных и западных славян в Марийском госуниверситете, а также при подготовке спецкурса и спецсеминара «Славянские движения Австрийской империи XIX в.», которые проводятся в Марийском госпединституте и Маргосуниверситете в течение десяти лет.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета.

Структура работы обусловлена задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, библиографического списка источников и литературы.

Содержание и основные выводы работы

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, новизна подходов и методов ее разработки. Определены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задачи решения проблемы.

Глава 1 «Историография проблемы» включает три параграфа. В первом параграфе подробно рассмотрена история возникновения

терминов «славянская взаимность» и «панславизм», определены основные формы интерпретации панславизма в XIX - начале XX вв., показаны различия их применения в российской и зарубежной историографии. В диссертационном исследовании использована терминология, предложенная в методологических работах чешского ученого Ф. Вольмана. Под термином «славянская взаимность» он подразумевал межславянскую культурную и литературную деятельность в духе концепции Коллара. В термин «славизм» включалось все, что в славянстве становилось движением, концепцией, идеологией и программой (например, барокковый, просветительский славизм). Со «славянской идеей» связывались «все проявления славянской общности, от простого подсознательного чувства до сознания проявления единства, солидарности и сотрудничества»³.

При всем многообразии концепций панславизма, можно согласиться с автором одной из немногих в современной российской историографии статей по истории термина «панславизм» О.В. Павленко, что и сегодня невозможно создать стройную логичную концепцию панславизма⁴. Заслуживает внимания и позиция современного чешского историка Р. Влчка, автора работы о русском панславизме, что «панславизм был порождением не общества в целом, а конкретных личностей, и все его интерпретации (и в позитивном и в негативном смысле) созданы исключительно конкретными людьми»⁵.

Во втором параграфе первой главы представлен подробный анализ работ отечественных и зарубежных авторов по исследуемой теме. Российская историография проблемы берет начало в 1870-е гг. с работ, в которых обобщался предшествующий период истории развития теории славянской взаимности. Эти сочинения одновременно являются и источниками исследуемой проблемы. К ним относятся труды русских панславистов А.С. Будиловича⁶ и В.И. Ламанского⁷. К этим работам

³ См.: Wollman F. K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. – Brno, 1936; Idem. Český slavismus, jeho minulost a program // Slovanství v českém národním životě. – Brno, 1947. – S. 224; Idem. Terminologie slovanské součinnosti // SPř. – 1948. Č. 3–4. – S. 126–140.

⁴ Павленко О.В. Панславизм: концепция панславизма в славистических исследованиях // Славяноведение. – № 6. – 1998. – С. 47.

⁵ Vlček R. Rusky panslavismus - realita a fikce. – Praha, 2002. – S.7.

⁶ Будилович А.С. Мечта ли панславизм?–М., 1872; Его же. О литературном единстве народов славянского племени // Славянский сборник. – 1877. – Т. 2.

примыкают сочинения А. Экка, П.А. Кулаковского, А. И. Степовича, которые в своих трудах также подчеркивали политический панславизм идей Коллара и Штура и их актуальность для современного славянского мира и России⁸. Особое место история словацкого народа и возникновение словацкого варианта идеи славянской взаимности занимали в творчестве А.Н. Пыпина. Ему принадлежит утверждение, что «первые мысли о взаимности высказаны были словаками, и не без причины... Татранские словаки до сих пор не имели в литературе почти ничего собственного; поэтому они первые протянули руки, чтобы обнять все славянство»⁹. В «Истории славянских литератур» Пыпин также неоднократно подчеркивал, что «самые характерные панслависты явились именно у словаков»¹⁰.

Важное место в реконструкции словацко-русских связей сыграли работы В.А. Францева. В его трудах прослежены истоки формирования теории Коллара, восстановлены некоторые сюжеты истории русско-словацких связей¹¹. В 1938 г. в Праге был опубликован сборник статей «Славянская взаимность», в который вошли статьи В.А. Францева, В. Чернобаева, польских, украинских, сербо-хорватских славистов¹². В сборнике высказывались диаметрально противоположные точки зрения о значении колларовского варианта славянской взаимности для России.

В отечественной историографии, посвященной идее славянской взаимности и русско-словацким контактам, со времени ее возникновения обозначилось два направления. Часть исследователей, такие как А.Н. Пыпин и В.А. Францев, стремились сохранить в своих работах научную непредвзятость в оценке вопроса, избегая

⁷ См.: Ламанский В.И. Изучение славянства и русское народное самосознание // ЖМНП. -1867. -№1.; Его же. Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.

⁸ Экк А. Ян Коллар: Очерк его жизни и деятельности и его поэма «Дочь Славы» // ВУИ. – 1900. – №1–5, 9; Кулаковский П. очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян. Варшава, 1835; Степович А.И. К столетию со дня рождения Яна Коллара. – Киев, 1894.

⁹ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. // Вестник Европы. Сент.1878–С. 622.

¹⁰ Его же. История славянских литератур. – Т. 2. – С. 1025.

¹¹ Францев В.А. Из истории славянской литературной взаимности: Коллар и русские ученые в Загребе (1840–1841) // Сборник Русского института в Праге. – Прага, 1929 г. –С. 91–118; Его же. Главнейшие моменты в развитии чешского возрождения. – Варшава, 1901; Его же. Очерки по истории чешского возрождения. Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902.

¹² Slovánska vzájemnosť. 1836–1936.Sborník prácí k 100.výročí vydání rozprávy Jána Kollára o slovánske vzájemnosti / Usporiadal J.Horak. – Praha, 1938.

идеологических трактовок и политической конъюнктуры. Второе, панславистское направление в историографии (В. Ламанский, А. Будилович), не смогло избежать некоторой идеализации идеи славянской взаимности и отношения к ней в большинстве случаев не только как к объекту исторического исследования, а как составной части собственных панславистских программ.

На рубеже XIX-XX вв. и в период буржуазной Чехословацкой республики интерес к проблеме русско-словацких контактов приобретает новые черты. В межвоенной чехословацкой историографии теорию славянской взаимности начинают активно использовать в своих интересах политики. В этом плане показательна работа президента ЧСР Т.Г. Масарика¹³. Работы Масарика стали своего рода методологической платформой для всех последующих публикаций чехословацких авторов.

В этот период первыми по времени возникновения и по значению в раскрытии проблемы словацко-русских связей следует считать публикации чешского ученого-литературоведа И. Ирасека¹⁴. На основе анализа словацкой прессы, словацких и русских публикаций И. Ирасек проследил историю русско-словацких связей с наполеоновских войн до начала XX в. Автор старался избегать прямых выводов и оценок, однако при характеристике деятельности русских ученых В.И. Ламанского, О.М. Бодянского, И.И. Срезневского и других русских «друзей словаков», он подчеркивает их ответственность за ухудшение словацко-чешских и словацко-венгерских отношений.

В марксистской историографии ЧССР проблеме русско-словацких контактов не уделялось должного внимания. В основном эти вопросы рассматривались в русле чехословацко-советской дружбы¹⁵. Главными исследователями здесь чаще всего выступали литературоведы. Обращение к истории русско-словацких связей в данном случае имело конкретный смысл – показать истоки современной дружбы славянских

¹³ Masaryk T.G. Jána Kollára Slovanská vzájomnosť // Naša doba. – 1893.

¹⁴ Jirásek J. Slováci a Rusko // Průdy, 1923. – Č. 7–10. – S. 325–334, 395–402, 441–461; Idem. Česi, slovaci a Rusko: Studie vzájemných vzťahů československo-ruských od roku 1867 do počátku světové války. – Praha, 1933; Idem. Rusko a my: Dějiny vzťahů československo-ruských od roku 1867 do roku 1894. – Praha – Brno, 1945.

¹⁵ См., например: Borodovčák V. K niektorým ideovým a politicko-praktickým motívom demokratickej koncepcie slovanskej vzájomnosti v 60. r. 19.st. // HČ. – VIII. – 1960. – Č. 2–3. – S.379–383; Idem. K charakteru slovensko-ruských vzťahů v druhej pol.19. st // Z bojů za svobodu a socialismus. – Praha: ČSAV, 1961. – S. 96–111; Amort Č. Ohlas rusko-turecké války v letech 1877 – 1878 v česke a slovenské veřejnosti // SPř. – 63. – 1977. – S. 495–509.

народов социалистических стран¹⁶. В работах словацких исследователей были рассмотрены вопросы влияния русской литературы и языка на словацкое общество. Благодаря работам Станислава Яна, А. Мраза, Э. Пановой, Р. Бртаня, А. Поповича и других литературоведов с 1950-х гг. словацкая линия в исследованиях чешско-словацко-русского сотрудничества становится самостоятельным направлением¹⁷.

Русофильский характер славянской идеи в словацком обществе в период существования Матицы словацкой (1863–1875 гг.) аргументировано доказал словацкий ученый-литературовед А. Попович. В своих работах по данному периоду он проследил, как происходил переход во взглядах передовых представителей словацкого национального движения от «демократического полонофильства к консервативному русофильству»¹⁸.

Проблематике политических проявлений русофильства словацкого общества в 1860-е гг. и влиянию русской литературы в Словакии посвятил свои работы другой словацкий литературовед А. Мраз¹⁹.

С начала 1950-х гг. в чехословацкой историографии появляются публикации словацкого историка В. Матулы. На наш взгляд, научная деятельность В. Матулы по изучению словацко-русских связей определила новый этап чехословацкой историографии данной проблемы. Среди работ В. Матулы наибольший интерес в плане нашего исследования представляли статьи, специально посвященные анализу концепций славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура²⁰.

¹⁶ См., например: *Z bojů za svobodu a socializmus.* - Praha, 1961. Статьи Ф. Гондора, В. Бородавчака и Й. Грозинчика.

¹⁷ Stanislav Ján. *Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a Ľudovíta Štúra.* - Bratislava, 1956; Panovová E. *Puškin v slovenskej poézii do roku 1918.* - Bratislava, 1966; Brtáň R. *Ján Kollár a ruština // Slovensko.* - XI. - 1946. - Č. 48; Idem. *Štúrovci a ruská literatúra // SP.* - 62. - 1956. - Č. 1-2. - S. 132-144;

¹⁸ Popovič A. *J.K. Viktorin a P.A. Lavrovský: Poznámka o charaktere slovensko-ruských literárnych stykov v 60.rokoch 19.st. // Slovenská literatúra.* - IV. - Bratislava, 1957. - S. 395-398; Idem. *Ruská literatúra na Slovensku v rokoch 1863-1875.* - Bratislava: SAV, 1961; Idem. *Rusofil'stvo na Slovensku.* - Bratislava, 1961.

¹⁹ Mráz A. *Účasť Slovákov na Slovanskom sjazde v Moskve roku 1867 // Slovenské pohľady.* - 1931. - Č.10; Idem. *Z ruskej literatúry a jjej ohlasov u Slovákov.* - Bratislava, 1955.

²⁰ Matula V. *Slovanská vzájomnosť - národnooslobodzovacia ideológia slovenského národného hnutia (1835-1848) // НС.* -1960. - Č.8. S. 248-264; *Vyvrcholenie Štúrovej koncepcie slovanskej vzájomnosti v diele Slovanstvo a svet budúcnosti // НС.* -1960. - R.VIII. -Č. 2-3. -S. 375-379; *Концепция славянства и славянской взаимности Л. Штура // VI. Mezinárodní sjezd slavistů v Praze.* - Praha, 1970. - Zv. 2. - S. 664; Матула В.

Под славянской взаимностью их автор подразумевает «теоретические концепции славянской общности и культурно-политические программы единения или же сотрудничества славянских народов»²¹.

Весомый вклад в историографию русско-словацких связей внесла словацкая исследовательница Т. Ивантышинова. В 1970-е гг. она опубликовала ряд статей о взаимосвязях чехов, словаков с русскими славянофилами, а в 1987 г. – обширную монографию «Чехи и словаки в идеологии русских славянофилов: 1840–1860-е годы»²². Вопросы влияния теории славянской взаимности на развитие этих взаимосвязей автором не рассматривались. Словацкий историк М. Подримавский посвятил свое творчество изучению истории словацкого национального движения второй половины XIX в. Специальное внимание он уделил вопросу влияния идеи славянской взаимности на процесс формирования национальной идентичности у словаков. В этом плане он рассматривал концепции Коллара²³, Штура и Гурбан-Ваянского²⁴. Особый интерес представляет исследование М. Подримавского «Русофильство как проявление национально-оборонительной идеологии словацкого национального движения в 1880–1890-е годы»²⁵. Отдельные сюжеты словацко-русского сотрудничества затрагивались в работах молодой словацкой исследовательницы Д. Кодайовой²⁶.

В советской историографии проблемы русско-чешско-словацких связей также преобладают работы литературоведов – это исследования,

Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура // Советское славяноведение. – 1978. – № 2. – С. 58–71; Kollárovská a štúrovská koncepcia Slovanstva a slovanskej vzájomnosti // Štúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. storočia. – Bratislava, 1978. – S. 259–288.

²¹ Матула В. Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура. – С. 58.

²² Из публикаций 1970-х гг. см.: Ivantyšynova T. Oživenie stykov ruskych slavianofilov s Čechmi a Slovakmi v druhej polovici 50.rokov 19.storočia // Slovanske štúdie. – XVIII. – Bratislava, 1977. – S. 177–199; Eadem. Česi a Slovaci v ideológii ruskych slavianofilov. – Bratislava, 1987.

²³ Podrimavský M. Kollárovská a štúrovská koncepcia národného vývinu v ideovom spore medzi hlasistami a vedením slovenskej národnej strany // HČ. – XXII. – № 4. – 1974. – S. 565–573.

²⁴ Idem. Vajanský a šturovska koncepcia národnej svojbytnosti // Studia Academia Slovaca. – 25. – Bratislava, 1996. – S. 170–176; Idem. Slovenska národná strana v druhej polovici XIX. storočia. – Bratislava, 1983.

²⁵ Idem. Rusofilstvo ako prejav národnoobrannej ideológie slovenského národného hnutia v osemdesiatych a deväťdesiatych rokoch 19. storočia // HŠ. – XX. – S/101–139.

²⁶ Kodajová D. Svetozár Hurban-Vajanský a Rusko // Literárny archív. 29/92;30/93. – Matica slovenská, 1994. – S.63-67.

проведенные в 1960–1990-е гг. А.А. Зайцевой²⁷, Л.С. Кишкиным²⁸, Н.А. Кондрашовым²⁹, С.Г. Потепаловым³⁰, Л.Н. Смирновым³¹, С.В. Смирновым³².

Огромный вклад в изучение историографии русско-словацких связей и деятельности их представителей внесла известная ученая, профессор МГУ Л.П. Лаптева. Ею написан ряд статей историографического и источниковедческого характера о связях с Россией П.И. Шафарика, Я. Коллара, Л. Штура, С. Гурбан-Ваянского³³. Этой исследовательнице принадлежит заслуга введения в научный оборот значительного числа источников по истории межславянских связей, в том числе и русско-словацких.

Важное место в историографии проблемы занимают работы старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН М.Ю. Досталь. Ею внесен большой вклад в изучении русско-чешских и русско-словацких научных связей, славянской идеологии, истории русского славяноведения. Архивные разыскания этого автора позволили ввести в научный оборот значительное число новых источников, часть которых использована в нашем исследовании³⁴.

Третий параграф первой главы посвящен характеристике источников. В работе использованы архивные и опубликованные источники. Первая группа архивных источников – это документы официального характера. К ним относятся фонды Департамента

²⁷ Зайцева А.А. Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX века // Литература славянских народов. – М., 1963. – С. 99–141; Она же. П.И. Кеппен и Словакия: Из истории русско-словацких культурных связей первой пол. XIX в. // Slovenská a ruská literatúra: Vzťahy a sivilosti. – Bratislava, 1979. – S. 89–105.

²⁸ Кишкин Л.С. Словацко-русские литературные контакты в XIX в. – М., 1990.

²⁹ Кондрашов Н.А. Борьба за победу словацкого литературного языка // Уч. записки МОПИ им. Н.К. Крупской. –Т.228. –Вып.15. –М., 1969. –С.318-328.

³⁰ Потепалов С.Г. Путешествие П.И. Кеппена по славянским землям // из истории русско-славянских литературных связей XIX в. – М.-Л., 1963. –С. 5-22.

³¹ Смирнов Л.Н. Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. – М., 2001; Его же. Ян Коллар и формирование литературного словацкого языка // Ян Коллар - поэт, патриот, гуманист. – М., 1993. –С.25-41.

³² Смирнов С.В. Первые русские слависты и Чехия // Уч. записки Тартуск.ун-та. - 1973. –С.47-176.

³³ Laptěvová L.L. Evolucia hodnotenia činnosti Ľudovita Štúra v ruskej historiografii // Ľudovít Štúr v suradniciach minulosti a súčasnosti. – Matica slovenská, 1997. – S. 154–170; Eadem. Svetozar Hurban Vajanský v ruských periodikách 19. a začiatku 20.storočia // Slovanské štúdie. – XII. Historia. – Bratislava, 1971. – S. 178–200; Eadem. Ruská literatúra v 19. a na začiatku 20. storoč. o Jáne Kollárovi // Zborník Filozof. Fakulty Univer. Komenského. – Historica. – R. 19. – Bratislava, 1968.

³⁴ Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. – М., 2003.

народного просвещения (ф. 733), Канцелярии министра народного просвещения (ф. 735), Канцелярии главного управления по делам печати и отделения цензуры (ф. 776), переписка попечителя Варшавского учебного округа (ф. 35), фонд Государственного совета (бумаги графини Блудовой – ф. 1250), фонд Департамента Главного управления цензуры (ф. 772), фонд Департамента общих дел министерства внутренних дел (ф. 1284 – документы из дел о принятии в русское подданство австрийских подданных словаков). Все они хранятся в Санкт-Петербургском архиве – РГИА. В основном это документы, относящиеся к поездкам русских ученых в славянские земли, материальной поддержке словацких изданий и ученых, российских периодических изданий, цензурные материалы; переписка об обучении и преподавании в российских учебных заведениях словаков. Большой интерес во время архивных изысканий представляли донесения русских профессоров по итогам поездок в славянские земли в Министерство народного просвещения, формулярные списки ученых.

К документам первой группы относятся также официальные документы Российской академии наук, которые находятся в другом архиве Санкт-Петербурга – ПФА РАН. Сосредоточенные здесь материалы касаются связей Российской академии со славянскими деятелями (фонды 1, 8), в частности по вопросу материальной помощи словакам и присуждении им академических наград.

Вторая группа архивных источников – документы частного характера, сосредоточенные в фондах личного происхождения российских и славянских ученых и общественных деятелей. Эта группа представлена в российских и зарубежных архивах. В РГИА нами были использованы фонды графов Головиных и Фредро (ф. 1076), М. Погодина (ф. 1108). В фонде графов Головиных и Фредро была обнаружена рукопись неопубликованного труда Я. Коллара «Боги Ретры» и двадцать неизвестных ранее писем словацкого ученого.

К архивным документам частного характера относятся многочисленные материалы ПФА РАН: личные архивные фонды П.И. Кеппена, И.И. Срезневского, А.Ф. Бычкова, В.И. Ламанского, О.М. Бодянского, П.П. Дубровского, К.Я. Грота.

В рукописном отделе РГБ (Москва) использованы материалы личных фондов М.П. Погодина, В.И. Григоровича, Ф.В. Чижова, М.Ф. Раевского, Н.А. Попова, А.С. Будиловича и др. Это, в основном, личная переписка ученых, путевые заметки, черновики рукописей.

В рукописном отделе РНБ (Санкт-Петербург) были изучены личные фонды А. Майкова, Н.А. Добролюбова, Н.Н. Надеждина, П.И. Прейса, А.А. Краевского, А.С. Норова, С.П. Шевырева, М.С. Куторги, собрание П.Л. Вакселя и собрание отдельных поступлений. Большинство данных архивных материалов представляют собой конспекты лекций; личную переписку, коллекции автографов, дневники путешествий.

В ОР ИРЛИ (Санкт-Петербург) были использованы личные фонды Н.И. Надеждина, альбом А.Е. Шиповой, собрание отдельных рукописей. Данные источники в основном касались словацко-русских связей первой половины XIX в.

Корреспонденция русских ученых и общественных деятелей, сосредоточенная в Московских и, главным образом, Санкт-Петербургских архивах, содержит сведения о поддержке русской общественностью словацких национальных гимназий, газет и национального культурно-просветительского общества Матица словацкая. Переписка свидетельствует о широких русско-словацких связях, установившихся в XIX в. Словацкими корреспондентами были Я. Коллар, Л. Штур, Й. Гурбан, Я. Францисци, П. Кузмани, В. Паулини-Тот, С. Гурбан-Ваянский, Й. Шкультеты, И.Б. Зох, Д. Фея-Раковский и адресованы их послания были членам Московского и Петербургского славянских обществ. Большая часть этих писем прислана на имя И.И. Срезневского, О.М. Бодянского, П.И. Прейса, В.И. Григоровича, Н.И. Надеждина, В.И. Ламанского, А.С. Будиловича, Н.А. Попова, а также П.А. Кулаковского, М.П. Погодина, И.С. Аксакова и др. Круг вопросов, затрагиваемых в письмах, достаточно широк: они отражают сложившуюся в Австро-Венгрии национальную ситуацию, положение словацкого народа в условиях мадьяризации, деятельность Матицы словацкой, выражают отношение словацких лидеров к таким событиям общеславянского характера, как Кирилло-Мефодиевские торжества, юбилей крещения Руси.

Некоторые источники, относящиеся ко второй группе, сосредоточены в архиве Центрального Исторического музея г. Москвы. Это фонды М.П. Погодина (ф. 280), Уваровых (ф. 17), А.С. Хомякова (ф. 178), Чертковых (ф. 445), М.Ф. Раевского (ф. 347). В фонде Хомякова, например, находятся письма В.А. Панова к М.А. Пановой, которые содержат важные сведения об отношении славянофилов к славянским делам в Европе, в том числе и к словакам; фонд М.Ф. Раевского включает письма Л. Штура, М. Мудроня, К. Кузмани и других словаков.

В целом документальные материалы обеих групп, сосредоточенные в российских архивах, дают возможность выяснить цели и основные направления словацко-русских контактов, определить круг представителей этих связей (государственные учреждения, официальные и частные лица), а также уточнить их характер и интенсивность.

В архивах Чешской республики в плане изучаемой проблемы наибольший интерес представляют фонды Литературного архива Памятника национальной письменности в Праге. Здесь находятся личные архивы Я. Коллара и его вдовы Ф. Коллар, В. Ганки, П.Й. Шафарика, Й. Юнгманна, Д. Бауринга. В личных фондах В. Мацевского и В. Ганки хранятся неопубликованные письма О.М. Бодянского, С.К. Сабинина к В. Ганке. Все они относятся к 1820-1870-м гг. и представляют интерес в плане изучения чешско - словацко-русских контактов.

Важнейшее значение для изучения словацко-русских связей второй половины XIX в. имели материалы словацкого архива – Литературный архив Матицы словацкой в Мартине (Словацкая республика). В фонде «Русика – документальные материалы» сохранились дневники Д. Маковицкого, черновики речей П. Мудроня в Москве 1867 г.; в фонде «Русика – труды» сосредоточены черновики и рукописи, содержащие уникальные сведения о словацко-русских связях. Здесь находятся наиболее полные архивы Я. Коллара, Л. Штура и С. Гурбан-Ваянского. Среди прочих материалов были обнаружены неизданные работы Ф.Ф. Аристова о А.И. Добрянском и неизвестная ранее исследователям корреспонденция русинского патриота; письма В.А. Францева к П. Мудроню, Й. Шкультете, С. Гурбан-Ваянскому; письма Т.Д. Флоринского к Й. Шкультете; записки А.С. Будиловича. В архиве также хранятся неопубликованные письма О. Бодянского, В. Ламанского, П. Кулаковского, П.А. Лавровского, которые дают ясное представление о характере взаимосвязей русских славистов со словаками. Большое значение при исследовании имели материалы из фондов Й. Шкультеты, П. Петруса, газетные вырезки о праздновании в Мошовцах 100-летия со дня рождения Яна Коллара. Здесь же в архиве Мартина сохранилась коллекция номеров «Народные новости» и «Словенские взгляды».

В данном исследовании в научный оборот был введен широкий массив архивных материалов, неизвестных и неиспользованных ранее. Прежде всего, это часть эпистолярного наследия Я. Коллара и Ф. Коллар, неопубликованное сочинение Коллара «Боги Ретры»,

корреспонденция П.П. Дубровского, С.П. Шевырева, С.С. Уварова, О.М. Бодянского, А.И. Добрянского, В.И. Ламанского, А.С. Будиловича, П.А. Лавровского; документы о материальной поддержке российским правительством словацких лидеров и словацких изданий в Австро-Венгрии, обучении словаков в высших российских учебных заведениях и некоторые другие.

Особую группу источников представляют материалы музейных экспозиций, имеющие большое значение в исторической реконструкции словацко-русских связей XIX в. Это материалы словацких музеев Л. Штура в Модре, литературного музея А.С. Пушкина в Бродзянах, Я. Коллара в Мошовцах; экспозиция музея иммиграции на о. Эллис в Нью-Йорке.

Важным источником по истории эволюции идеи славянской взаимности в России и словацких землях является периодическая печать. Это российские периодические издания различных направлений («Библиографические листы», «Телескоп», «Сын Отечества», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Денница», «Журнал Министерства народного просвещения», «Москвитянин», «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», «Московский наблюдатель», «Славянское обозрение», «Современник», «Голос»), чешские журналы («Крок», «Часопис Чешского Музея», «Кветы») и первые словацкие газеты («Словенске новины», «Словенске погляды», «Татранка», «Народние новины», «Глас», «Пруды»).

Опубликованные источники представлены, в первую очередь, сочинениями словацких авторов, где сформулированы основные положения теории славянской взаимности. Это сочинения Я. Геркеля, Я. Коллара, Л. Штура, С. Гурбан-Ваянского. С другой стороны, в диссертации в качестве источников привлекались опубликованные труды русских идеологов панславизма и приверженцев идеи славянской взаимности М.П. Погодина, И.И. Срезневского, О.М. Бодянского, Н.Я. Данилевского, В.И. Ламанского, А.С. Будиловича. Учтены были и взгляды представителей западнического направления российской общественной мысли по отношению к славянскому вопросу в целом, и к словацкому в частности (Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, В.Г. Белинский).

Важное значение в данном диссертационном исследовании имела опубликованная корреспонденция словацких и русских авторов, а также комментарии к публикациям. Это публикации на русском, словацком и чешском языках корреспонденции Я. Коллара, Й.

Юнгманна, В. Ганки, Ф. Челаковского, Ф. Палацкого, Л. Штура, С. Гурбан-Ваянского, И.И. Срезневского, М.П. Погодина, В. Панова, Н. Надеждина, Д. Маковицкого и других участников словацко-русских научных и культурных контактов. Значительная часть этих изданий представляет собой журнальные публикации XIX в.

В работе были также привлечены опубликованные мемуары современников – Н. Надеждина, В. Чижова, В. Панова, Н.В. Гоголя, М. Бакунина, Л. Н. Толстого, Д. Маковицкого, А. Герцена, В. Соловьева и др. Данный вид источника позволил уточнить и прояснить некоторые исторические детали, затронуть социопсихологические моменты рассматриваемой проблемы.

Вторая глава «Теория славянской взаимности Я. Коллара в истории словацко-русских научных и культурных связей» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе второй главы выделены четыре периода словацкого национального Возрождения, которые определили структуру данного диссертационного исследования. В параграфе приведены современные дискуссии по вопросу периодизации словацкого национального возрождения и применению термина «словацкое возрождение».

Автором предлагается собственная периодизация словацкого национального возрождения с учетом эволюции идеи славянской взаимности и развития словацко-русских контактов. При этом учитывалось, что основные хронологические рубежи словацкого национального движения так или иначе были связаны с характером и интенсивностью словацко-русского диалога; с факторами усиления или ослабления мадьяризаторской политики Пешта, а также развитием взаимоотношений с чешским возрожденческим движением.

В параграфе исследуются причины и условия возникновения трактата Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» и проведен разбор его основных положений.

Коллар специально делал оговорку, чтобы трактат не воспринимался как призыв к политическим действиям. Главным условием достижения славянской взаимности он считал литературное и культурное образование. В трактате устанавливается три ступени образованности, ведущие к взаимности. На первой из них образованный славянин, «невысоко-ученый», должен знать четыре главных наречия, на которых пишется и печатается: русский, иллирийский, польский и чехословацкий. Ко второй ступени «ученейший и образованнейший» славянин должен познакомиться и с

«меньшими наречиями» или поднаречиями – «малороссийским, кроатским, виндским, болгарским, лузацком». Славянин третьей ступени, к которой Коллар относит ученых, филологов и историков, должен знать все славянские наречия без исключения, в том числе и мертвые языки, в первую очередь – церковно-славянский. Такие высокие требования предъявлялись к тем, кто собирался участвовать в литературной славянской взаимности. Именно это положение трактата для многих было доказательством утопичности идей Коллара.

Главным средством славянской взаимности Коллар считал литературное образование, а средства, которые должны были обеспечивать эту взаимность также, по его мнению, должны быть культурно-просветительского характера. Во-первых, создание славянских книжных магазинов во всех столицах славянских народов; во-вторых, обмен книгами между писателями и учеными; учреждение кафедр славянских языков в школах, общий славянский литературный журнал на всех наречиях, публичные и частные библиотеки, снабженные книгами на всех наречиях, изыскание и издание народных песен, пословиц и поговорок, постепенное искоренение чужих слов и оборотов в славянских языках, приближение к идеалу языка всеславянского, т.е. к языку, «который бы легко мог понимать всякий славянин», однообразное, философское, на духе славянского языка основанное правописание, в употреблении которого согласились бы все славяне³⁵. Идеи, изложенные в трактате Коллара отражали современный уровень развития социологической и философской мысли европейского славяноведения; во многом они были реакцией на сочинения немецких философов и практику жизни словацкого евангелического священника в центре мадьяризации - Пеште.

Второй параграф посвящен истории оформления славянского вопроса в первой половине XIX в. В это время для русской общественной мысли и славяноведения, переживающего период своего становления как науки, характерным становится все возрастающий интерес к истории зарубежного славянства и его выдающимся представителям. Этому способствовало несколько факторов, решающим из которых можно назвать изменение внешне и внутривосточной ситуации в Российской империи после ее участия в антифранцузских коалициях начала XIX в. Союзнические

³⁵ Kollar, J. O literarnej vzajomnosti mezi kmeny a narecimi slovanskeho narodu od Jana Kollara // Hronka.- 1836.-R.1.-Sv.2.-S.39-53; О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими. Сочинение Иоанна Коллара // Отечественные записки.- СПб., 1840.

отношения с Австрийской империей и Пруссией обязывали Александра I проводить охранительную политику не только внутри страны, но и содействовать в этом своим союзникам.

С другой стороны, во время заграничных походов Россия получила новый опыт общения с Европой. Начатое после Французской революции XVIII в. знакомство с европейскими либеральными и республиканскими идеями было продолжено, а во многом и усилено реформами 1803–1804 гг. в области просвещения. В эти годы вызревали предпосылки для будущих дискуссий, начатых в 1840-х гг. и поставивших перед российской общественной мыслью дилемму: Восток или Запад. Одновременно с накоплением знаний об Европе, ее философии, истории, народах идет становление новой научной дисциплины – славяноведения³⁶.

Студенты российских университетов обсуждали идеи о «соединении и всех славянских племен в одно целое, в одно государство», уже в 1820-е гг. Эти идеи выводились из этнокультурной специфики славян, известной по ставшим популярными в то время сочинениям славистов. Круг подтверждающий признаки славянской общности источников постоянно расширялся, ученые-слависты вели поиски новых аргументов языкового и культурного единства славян. Начальный этап развития российского славяноведения хронологически совпадает с возникновением в России славянского вопроса. В условиях отсутствия практики парламентаризма он появляется как тема для обсуждения в периодической печати, в публичных лекциях университетских профессоров, в переписке и дневниках российских интеллектуалов. В преддверии Крымской войны славянский вопрос сформировал общественное понятие о роли славян во внешней политике России.

Наращение в первой половине XIX в. интереса русского общества к зарубежным славянам и связям с ними объяснялось прежде всего внутренними процессами, протекавшими в России. Развитие национального самосознания побуждало общественность к познанию прошлого русского народа для понимания его настоящего положения, к уяснению его сходства и отличий с этнически родственными западными и южными славянами. Путь самопознания проходил через знакомство с историей и современной общественной жизнью этих народов. Благодаря деятельности русских славистов в России стали

³⁶ Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. – М., 2005.

известны произведения зарубежных славянских авторов, появилась потребность русской общественности в информации о зарубежных славянских землях. Ответом на нее стало обращение периодической печати к славянским сюжетам. В идейной борьбе тех лет славянский материал использовался печатными органами разных направлений для обоснования соответствующих общественно-политических принципов.

Кроме научного и культурного интереса славянская тематика проявила себя и во внутривосточных событиях, в частности – движении оппозиционного дворянства – декабристов. Как отмечают исследователи, только декабристы пытались связать с вопросом освобождения славян при помощи России задачи революционного переустройства старого строя. Известно, что декабристы разработали план создания федеративных союзов и национальных государств на Балканах. Для осуществления этих проектов не исключалась возможность ведения войн революционной Россией с Австрийской и Османской империями. Целью декабристских обществ было объединение всех славянских народов в одну демократическую федерацию.

На фоне сложных международных отношений после Венского конгресса, ожесточения борьбы республиканских и имперских настроений в период правления Николая I, усиления европейских национальных движений славянская проблема, а тем более вопрос славянской взаимности, неизбежно были обречены на политизацию. Этому способствовала и позиция европейских парламентов и прессы, которые увидели угрозу в росте интереса российской общественности к славянской проблематике. Уже в конце 1820-х гг., особенно в 1830-е гг., в Европе, как реакция на национальные славянские движения, моральную поддержку со стороны России появляется пугало – фантом панславизма. В этой связи произошло охлаждение австро-российских отношений, когда в 1840 г. Вена отозвала своего прорусски настроенного посла графа Фикельмона.

Теперь любые проявления идеи славянской взаимности в научных и культурных контактах российской интеллигенции и представителей славянских движений приобретали панславистскую окраску. Архивные материалы подтверждают тот факт, что Николай I и Святейший Синод через графа Нессельроде способствовали пересылке религиозной литературы для православных подданных Австрийской империи.

В третьем параграфе второй главы на основе архивных и опубликованных источников реконструируется история словацко-русских контактов первой половины XIX в.

Важную роль в установлении первых контактов с представителями словацкого национального возрождения сыграли путешествия русских ученых в славянские земли. Первым установил личные контакты с автором уже известной среди славян «Дочери Славы» Я. Колларом П.И. Кеппен. П. Кеппен стал первым российским ученым, который сделал доступными для общественности научные сведения о словаках и сочинениях Коллара в своем издании «Библиографические листы». Как показал анализ этого издания и переписка ученых, их отношения складывались в русле теории литературной славянской взаимности Коллара: это был обмен изданиями, сведениями о славянской истории и культуре, помощь в публикациях.

Характер взаимоотношений автора теории славянской взаимности с русскими меняется после его знакомства с М.П. Погодиным. Известны четыре путешествия М.Погодина (1835, 1839, 1842 и 1846 гг.), во время которых и произошло его знакомство с Я. Колларом и другими представителями славянских движений в Австрийской империи. После этих путешествий между русским профессором и словацким ученым завязалась активная переписка, касавшаяся в основном научных проблем.

Но была и другая сторона этих отношений, раскрытая с помощью архивных изысканий. В РГИА хранятся адресованные министру просвещения С.С. Уварову донесения Погодина о результатах путешествий по землям австрийских славян. В них он указывал на русофильство славян и даже их стремление отделиться от Австрийской империи и образовать славянское федеративное государство во главе с Россией. На некоторых донесениях Погодина в правительство с просьбой предоставить материальную помощь славянам, в том числе Коллару, Шафарику и Ганке, нами обнаружены карандашные пометы императора Николая I, выражавшего согласие с данной акцией. Интерпретация М. Погодиным стремлений австрийских славян, в том числе и словаков, к культурному и духовному сближению как предпосылки к политическому объединению нашла поддержку у императора, которая выразилась в его кратком «очень любопытно» и выделении материальной помощи лидерам славянских движений.

В ходе исследования был обнаружен малоизвестный в историографии факт, что в период наиболее острых гонений на Коллара в Пеште со стороны венгерских националистов, он обращался с просьбой к Погодину и Бодянскому помочь ему переехать в Москву.

После принятия университетского устава 1835 г. в славянские земли для изучения истории, литературы и языка народов, их населявших, были посланы кандидаты на занятие кафедр славянских наречий из четырех российских университетов – О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский и В.И. Григорович. Вернувшись из путешествий по славянским землям, они заложили основы русского научного славяноведения.

Все четверо ученых, занявших впоследствии кафедры славистики в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах, стали активными пропагандистами творчества Коллара в своей последующей научной и общественной деятельности.

Под влиянием многочисленных сведений об «апостоле славянства» в Пеште многие российские путешественники стремились с ним встретиться и оставить в своих путевых заметках собственные воспоминания. В конце 1840-х гг. с Колларом познакомились известный русский ученый, издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин, славянофил В. Панов.

Проявляли интерес к творчеству Коллара и других словацких деятелей представители западнического направления российской общественной мысли. Весной 1838 г. Прагу посетил Т.Н. Грановский, где он благодаря О. Бодянскому познакомился «со всеми знаменитостями богемской литературы и с некоторыми молодыми литераторами», впервые прочитал книги Коллара и Шафарика.

В 1845 г. во время заграничного путешествия Коллара посетил славянофил В.Ф. Чижов. Как свидетельствуют опубликованные письма Панова и дневник Чижова, они не приняли некоторые положения теории Коллара, в том числе отрицание историчности славянства, самоидентификации отдельных славянских племен и толерантность в религии.

В начале 1840-х гг. под влиянием западной публицистики и внутрисполитических обстоятельств в России и Австрийской монархии термин «панславизм» приобретает открыто политическое звучание. Поэтому любая его поддержка начинает расцениваться как нечто оппозиционное официальной политике. После революции 1848–1849

гг. в России намечается некоторое охлаждение к покровительству западнославянским культурным деятелям, которое возобновится лишь после поражения в Крымской войне.

Имя Коллара в это время в силу его лояльности австрийскому правительству не представлялось российской цензуре опасным. В России продолжали публиковать рецензии на его труды, а в 1851 г. была объявлена подписка на последнее сочинение «Боги Ретры», так и не вышедшее в печати. Архивы свидетельствуют, что рукопись этого сочинения после смерти Коллара была продана его вдовой великой княгине Елене Павловне.

Итак, в первой половине XIX в. русские ученые слависты открыли для России Коллара, а их ученики отнеслись к его теории как руководству к действию. В среде интеллигенции началась мода на изучение славянских и древних языков, приглашения учителей и гувернеров из австрийских славян. Труды Добровского, Шафарика, Ганки, Коллара изучались не только специалистами, отрывки из них публиковались в так любимых российской публикой «толстых» журналах. Наши соотечественники охотно ехали в славянские земли, выделяя этот регион как особый маршрут в своих европейских путешествиях.

Общий итог этих контактов – включение литературного, поэтического и научного наследия Коллара, его концепции литературной славянской взаимности в «золотой фонд» отечественного славяноведения наряду с трудами других славянских ученых. Романтический характер сочинений Коллара, равно как и большинства его научных трудов, соответствовал характеру первого этапа становления российского славяноведения как науки.

Кроме научных связей в конце 1830-х гг. наметился определенный государственный интерес официальной России к словацкому деятелю и его идеям, более всего проявивший себя в отношениях к Коллару и его творчеству со стороны Российской императорской Академии наук и министра просвещения С. Уварова.

Четвертый параграф второй главы посвящен анализу российской периодической печати и отражению в ней основных положений теории Я. Коллара о литературной взаимности. Долгое время в литературе существовало мнение, что Коллара в России не знали или знали очень плохо. Анализ российской периодической печати 1820-1850-х гг. показал, что в ней были представлены все основные сочинения словацкого ученого, а некоторые даже опубликованы в русском переводе. Представители различных течений

общественной мысли России обратили внимание на творчество Коллара. В основном это была заслуга русских ученых-славистов, видевших в словацком ученом и поэте не только теоретика, но и искреннего сторонника идеи славянской взаимности. Во многих случаях внимание к творчеству Коллара носило чисто созерцательный характер. Исключение составляли публикации статей о Колларе и рецензий на его труды первых русских славистов и активных пропагандистов русского влияния на славян – М.П. Погодина, С.П. Шевырева, И.И. Срезневского, О.М. Бодянского, П.И. Прейса и П.П. Дубровского. В диссертации учтены практически все отклики на творчество Коллара русских периодических изданий первой половины XIX в. В результате анализа этой группы источников был зафиксирован процесс постепенного нарастания интереса к словацкому деятелю и его творчеству. Одновременно в ходе исследования были исправлены некоторые неточности и ошибочные суждения прежней историографии.

После награждения Коллара золотой медалью Российской императорской академии за поэму «Дочь Славы» в 1836 г. упоминание его имени в российской печати не вызывало никаких опасений со стороны цензоров. Его книги попали в список Главного управления цензуры, где значились сочинения, разрешенные к распространению в России. Панславистский ореол, который первоначально сопровождал его в австрийских публикациях, в России сменился на славу славянского Петrarки и «любителя славящины». Официальное признание позволило появиться в 1840 г. в журнале «Отечественные записки» русскому переводу трактата Коллара.

Наиболее подробно в параграфе изложена история издания всеславянского альманаха варшавского слависта П.П. Дубровского «Денницы» (1842-1843 гг.) Этот сюжет очень важен для понимания той роли, какую идея славянской взаимности занимала в общественном российском мнении. История «Денницы» полностью восстановлена на архивных материалах РГИА, ОР ГПБ и ПФА РАН. Российское правительство в лице министра просвещения С.С. Уварова оказало материальную поддержку изданию, целью которого было «способствовать продвижению идеи Коллара в России». Сам факт появления издания в Варшаве лишь через несколько лет после подавления польского восстания, было определенным вызовом русского правительства. Издание всеславянского журнала отвечало интересам российской политики в польских землях. Еще в 1840 г. М. Погодин в своем отчете в Министерство народного просвещения о

поездке в славянские земли, где он выдвигал целую программу, как завоевать симпатии славян, потенциальных союзников России в Европе, указывал на необходимость издания всеславянского журнала в Варшаве. В России идею создания общеславянского журнала поддерживали И.И. Срезневский, М.П. Погодин, П.И. Кеппен, П.И. Прейс, О.М. Бодянский. М.П. Погодин. Однако журнал не получил поддержки общественности. Неудачная история «Денницы» показала несвоевременность подобного издания в начале 1840-х гг. и неготовность широкого общественного мнения России к восприятию идеи славянской взаимности в том виде, как она была представлена изданием в Варшаве.

Третья глава «Славянство и мир будущего»: штуровская концепция славянской взаимности в России» освещает следующий этап в развитии теории славянской взаимности и словацко-русских связей, связанный со значительной радикализацией славянской идеи, революциями 1848-1849 гг. в Европе, славянским съездом в Праге и возникновением новой концепции славянской взаимности в словацком национальном движении, разработанной лидером этого этапа Л. Штуром.

Первый параграф третьей главы включает обширный историографический очерк проблемы о Пражском съезде славян 1848 г. Впервые в своей истории словацкий народ самым ходом революционных событий 1848 г. был поставлен в центр борьбы за судьбу Австрийской империи. Оказавшись в ситуации, когда немцы, австрийцы и чехи решали будущее империи, а Венгрия отстаивала свою самостоятельность, словаки выступили с собственной политической программой. Венгерская революция не давала им никаких надежд на позитивное разрешение национального вопроса в рамках королевства. Одними из самых активных инициаторов созыва пражского съезда славян выступили словаки Л. Штур, Й.М. Гурбан, М. Годжа, Б. Носак, П.Й. Шафарик. Иносказания Коллара и пророчества Гердера получили возможность испытать себя на политической практике. С этого времени можно говорить о возникновении политического панславизма, который предполагал включение славянского вопроса в проекты государственного переустройства Австрийской империи и радикальные программы создания славянской федерации. Одним из принципиальных вопросов взаимоотношений славян накануне и во время пражского съезда были расхождения между чешским и словацким движением. Две концепции славянской взаимности – концепции Я. Коллара и Л. Штура во

многим определялись характером взаимоотношений с чешским национальным движением. По мнению Л. Штура, объединение австрийских славян могло стать лишь первым шагом к всеславянскому союзу. Славянская взаимность проявилась себя на съезде в вопросе отказа от включения славянских народов в объединенное германское государство. Идея всеславянского союза Штура совпала со взглядами русского участника съезда М.А. Бакунина о великой и вольной всеславянской федерации. К этому периоду относятся истоки возникновения новой концепции славянской взаимности Л. Штура, сформулированной им вскоре после поражения революции.

Во втором параграфе третьей главы проведен подробный источниковедческий и историографический анализ труда словацкого патриота Л. Штура «Славянство и мир будущего»³⁷. Выяснены причины и условия его написания, на основе исследований словацкого историка В. Матулы восстановлена история публикации русского перевода сочинения Штура. В параграфе приводятся отклики на это сочинение в России, выявлены основные дискуссионные моменты его восприятия и оценки современников. Основное внимание уделено содержанию трактата, в котором Штур изложил собственную теорию славянской взаимности.

В своем «послании с берегов Дуная» Штур предлагает славянам программу действий для их возрождения, для занятия ими во всемирной истории места, соответствующего силам и способностям. Для этого они должны освободиться от чужого ига и приобрести государственную самостоятельность. Штур видит три решения вопроса: 1. Образование федерации из славянских земель; 2. Образование из Австрии средоточия для всех западных и южных славян; 3. Присоединение славян к России. Подробно разобрав плюсы и минусы первых двух решений вопроса, Штур приходит к заключению, что единственно естественным и наиболее возможным является третье решение, т.е. присоединение южных и западных славян к России.

Штур дает восторженную оценку России и русскому народу, отмечая, однако, что «для того, чтобы Россия увеличилась присоединением к ней славян, чтобы славянство, наконец, приобрело жизнь и действительность, она должна так устроиться внутри, как того

³⁷ Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людевита Штура. Перевод неизданной немецкой рукописи с примечаниями В.И. Ламанского // ЧОИДР. – Т.3. – М., 1867. – Кн.1-3. – С. 1-191; Štúr Ľ. Slovanstvo a svet budúcnosti. – Bratislava, 1993.

требует дух славянства, истинная современная образованность и ее мировое положение». Штур считает излишним и преждевременным определять способы соединения южных и западных славян с Россией, а также формы такого объединения. Тем не менее, в общих чертах будущее всеславянское государство он определяет как самодержавную монархию, управляемую одним Верховным Вождем, но приведенную в согласие с народоправными учреждениями, свойственными славянскому характеру. Здесь должны быть широкая автономия отдельных областей и народное представительство выборных земских людей. Штур указывает в трактате некоторые недостатки во внешней политике России, критикует отдельные стороны ее внутренней жизни. При этом он считает, что у России есть время все это исправить.

Славянский мир должен быть готов к этому присоединению к России: и здесь Штур указывает на два необходимых условия, которые сделают это возможным – принятие русского языка за общеславянский и возвращение в православную церковь. Это сочинение стало программным манифестом славянского съезда в Москве в 1867 г. и важнейшим аргументом для русских панславистов.

Таким образом теория славянской литературной взаимности Коллара получила продолжение в политической программе лидера нового поколения словацких патриотов. Преодоление аполитичности и легитимизма Коллара было связано с новыми историческими условиями, в которых развивалось словацкое национальное движение, и радикализацией славянского вопроса в России.

Четвертая глава «Словацко-русские контакты после Крымской войны» состоит из четырех параграфов и посвящена третьему этапу развития словацко-русских контактов, проходивших в новых исторических условиях ухудшения русско-австрийских отношений, обострения политики мадьяризации в Словакии и роста словацкого русофильства. В России в этот период возникают организованные формы поддержки славян – славянские благотворительные комитеты; активизируется деятельность русского посольства в Вене (М.Ф. Раевский), формируются панславистские программы В. Ламанского, А. Будиловича и других представителей этого направления.

Первый параграф четвертой главы посвящен характеристике политики мадьяризации в Словакии и русско-австрийским отношениям, кардинально изменившимся после Крымской войны. После поражения в войне в России уже не скрывают, а порой и демонстрируют интерес к славянам Австрийской империи. Несмотря

на сохранявшийся нейтралитет между Россией и Австрией, Петербург изменил отношение к Вене. Император Александр II сделал ставку на союз с национальным движением австрийских славян. При этом приоритетным оставалось балканское направление внешней политики. Но уже начиная с 1860-х гг., можно проследить целую серию акций и действий российского двора, которые характеризовали новое «западно-панславистское направление» славянской политики России. Это активизация этно-религиозной благотворительности под эгидой Святейшего Синода, направленной на распространение «православной миссии» в землях австрийских славян; ослабление цензурных запретов в обсуждении славянского вопроса, складывание нового направления в российской общественной мысли – «державный панславизм»; основание общественного славянского благотворительного Комитета в Москве (1858 г.), имеющего тесные контакты с ведущими деятелями славянских движений в Австрии; организация и проведение в мае-июне 1867 г. славянского съезда в Москве и Санкт-Петербурге; подготовка и осуществление в конце 1860-х гг. эмиграции австрийских славян в южно-русские губернии на правах свободных переселенцев и приглашение на обучение в высших учебных заведениях России студентов-славян из Австрийской империи.

На фоне изменившихся австро-русских отношений появляются и новые черты в словацком национальном движении. Принятие Меморандума словацкого народа 1861 г. превратило словацкое местечко Турчанский св. Мартин в политический центр словацкого национального движения. Именно здесь в 1868 г. была образована Словацкая национальная партия под руководством В. Паулини-Тота, начинают выходить «Народные новости». До установления дуализма в 1867 г. словацкое движение переживало некоторый подъем, связанный с появлением признанных властями национальных институтов - Матицы словацкой, словацких гимназий, различных народных обществ.

Таким образом, в 1850-1860-е гг. сложились благоприятные обстоятельства для активизации словацко-русских отношений, уже имеющих свою традицию и постоянных адептов.

После установления дуализма в 1867 г. и усиления венгерского правления в Транслейтании словацкое движение проходило в условиях тотального наступления мадьяризации буквально во всех сферах: просвещение, церковь, экономика. Как результат этого процесса – закрытие Матицы словацкой, трех гимназий, потеря самостоятельности церковных учреждений, в том числе и ущемление автономии

протестантской церкви. Государственный язык, венгерский, постепенно вытесняет словацкий не только из средней, но и начальной школы Северной Венгрии.

В словацком национальном движении появились реальные силы и организации, которые могли плодотворно сотрудничать с российскими учеными и официальными организациями. Развитие словацко-русских контактов данного периода проходило в рамках внешнеполитической славянской программы, которая была оформлена после поражения России в Крымской войне, усиления мадьяризации в Словакии и появления новых сил в словацком национальном движении.

Второй параграф четвертой главы посвящен активизации словацко-русских контактов накануне и в период Этнографической выставки в Москве 1867 г., словацкому русофильству в период Матицы словацкой (1863-1875 гг.) и участием словаков в Этнографической выставке в Москве 1867 г.

Съезд был организован по инициативе В.И. Ламанского, подготовкой делегации австрийских славян занимался настоятель русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский. Созыв съезда стал поворотным моментом в развитии российско-австрийских отношений. Хронологически он почти совпадал с ратификацией австро-венгерского соглашения. Это событие, в котором приняли демонстративное участие зарубежные славянские делегации (примерно 80 % составляли австрийские славяне), фактически подвело черту под пророссийским курсом венского кабинета и попыткам восстановления прежнего альянса. Для России это также стало демонстрацией новой внешнеполитической программы «всеславянской метрополии». В современной печати участие славян в выставке было обозначено как «путь славян в Москву». В венгерской печати малочисленная делегация словаков была объявлена «демонстрацией панславизма». Представителями словацкой делегации были А. Радлинский, Я. Есенский и П. Мудронь.

Большое внимание в параграфе уделяется вопросу эмиграции словацких интеллектуалов в Россию в 1860–1880-е гг. Эта наиболее дискуссионная тема в словацкой историографии и малоизвестная в российской. В данном исследовании нас прежде всего интересовал вопрос о причинах, размахе и формах эмиграции словацких интеллектуалов в Россию, а также ее последствиях для обеих сторон. Как показал анализ архивных материалов и публикаций по данному вопросу, можно говорить о заметном явлении эмиграции словацкой молодежи в российские учебные заведения. Главными причинами

начала эмиграции стали последствия образования дуалистической монархии – Австро-Венгрии, в которой усилился национальный гнет словацкого народа; немалую роль сыграли русофильская и славянофильская ориентация большей части словацкой интеллигенции в этот период. Важную роль сыграла и школьная реформа в России 1864 г. во времена министерства Д.А. Толстого, когда в русских гимназиях и протогимназиях усиливалось преподавание древних языков. В тот период в Россию стали приглашать преподавателей латинского и греческого языков, чтобы возобновить в русских гимназиях первоначальный характер классической школы

Усиление мадьяризации в 1860-е гг. не давало возможности студентам невенгерской национальности, за редким исключением, завершить среднее и главным образом высшее образование на родине. Поэтому они стремились уехать учиться за пределы Венгерского королевства. Главным образом, это касалось словаков. Существует ряд свидетельств об обучении словаков в России. Все они подтверждают тот факт, что в период усиления мадьяризации в Словакии, обучение в российских университетах стало одним из важных показателей действительности словацко-русских контактов в формировании словацкой интеллектуальной элиты и реальным воплощением теоретических положений идеи славянской взаимности.

Процессы эмиграции словаков в Россию имели ряд последствий, повлиявших на последующую традицию словацко-русских связей. Словацкие русофилы, в первую очередь те, которые эмигрировали в Россию, способствовали перенесению словацкого вопроса за рамки Венгрии, на страницы российской периодической печати, в программу и деятельность известных славянских благотворительных обществ, в научные концепции русских историков-славистов и в определенной мере в сознание образованной части русского общества.

Третий параграф четвертой главы освещает вопросы сотрудничества словаков и представителей русского панславизма – В.И. Ламанского, А.С. Будиловича, А.И. Добрянского.

Огромную роль в пропаганде славянского вопроса и в практической деятельности «державного панславизма» играет личность В.И. Ламанского, неоднозначно оцениваемая в историографии. Решающую роль для нас имели оценки личности и творчества Ламанского, приведенные в работе российского ученого М.

Робинсона ³⁸. Как показало проведенное исследование, Ламанский придавал особое значение словакам и словацкому национальному движению в славянском мире. В российских и зарубежных архивах сохранилась переписка ученого со словаками, письма в российское правительство, черновики работ, позволившие реконструировать его роль в развитии русско-словацких связей. Начало активной научной и общественной деятельности ученого совпало с ослаблением консерватизма и проявлением либеральных тенденций в первый период царствования Александра II, с усилением политической заинтересованности российской империи во взаимоотношениях с зарубежными славянскими народами; эти обстоятельства определили не только направление его деятельности, но и сущность теоретических построений, сосредоточенных на размышлениях о современном состоянии и дальнейшей судьбе «славянской цивилизации». Во время своих командировок за границу в 1862-1864, 1868-1869, 1884 и 1886 гг. он собрал огромный источниковый материал для своих концептуальных воззрений, для развития славистической науки в России.

Словацкие контакты и интересы Ламанского нашли отражение в его обширном публицистическом наследии. В стремлении найти в российских кругах моральную и материальную поддержку словацкого национального движения Ламанский подготовил манифест «Друзьям словаков на Руси». В этом манифесте Ламанский показал основные направления словацкого движения и те трудные условия, в которых оно проходит. Ламанский повторяет высказанную им ранее мысль, что после русских самыми искренними панславистами являются словаки. Только они с гордостью провозглашают свою принадлежность к славянской семье; без страха признают и пропагандируют ведущую роль России в славянском мире. Именно в России словаки, по мнению Ламанского, видят единственную гарантию защиты славян на западе. Манифест имел самый широкий резонанс в Австро-Венгрии. Ламанский организовал финансовую поддержку для словацкой газеты «Народни новины» и ее издателей, убедив в необходимости таких действий российское правительство. Эта поддержка обеспечила существование единственного политического органа Словацкой национальной партии. При поддержке В. Ламанского и его активном

³⁸ Робинсон М.А. В.И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах. М., 1996. С.90- 106.

участии была организована учеба словацкой молодежи в российских высших учебных заведениях.

Не менее важное значение придавал связям со словаками А.С. Будилович, личность и творчество которого не получили отражения в историографии. Как и Ламанский он состоял в личной переписке и имел хорошие контакты с М. Гурбаном, С. Гурбан-Ваянским, Я. Францисци. Будилович принимал непосредственное участие в организации денежных субсидий издателям «Народных новин». С 1892 по 1894 гг. он занимал пост главного редактора «Славянского обозрения», на страницах которого активно пропагандировалась тема славянской взаимности. К этому времени основные положения идей Коллара и Штура все чаще используются русскими панславистами для подтверждения своей программы. Одновременно с публицистической деятельностью Будилович разрабатывает программу принятия русского языка как общеславянского литературного. Вернувшись почти через 20 лет к идеям Я. Коллара и Л. Штура, Будилович приводит иную аргументацию преждевременности осуществления панславистских планов. Если у Штура главным препятствием была политика царизма, то у Будиловича препятствиями к славянскому единству выступают позорное равнодушие поколения и низкий уровень знаний о славянстве.

К идеям Ламанского и Будиловича примыкала панславистская программа русинского патриота А.И. Добрянского (зятя А. Будиловича), мало известная в историографии и восстановленная в диссертационном исследовании по словацким архивным материалам. Добрянский, австрийский подданный, был награжден российскими орденами за подавление венгерского восстания в 1848 г., депутат от словаков в венгерском сейме, был автором проекта теоретического разрешения вопроса об едином языке для славян, основанного на концепциях Коллара и Штура. Он был активным организатором Матицы словацкой, последовательным защитником прав словаков на политическом форуме Венгрии, выразителем идей русского панславизма. В 1875 г. при поддержке К.П. Победоносцева он был представлен наследнику царского престола. Известны контакты Добрянского с И. Аксаковым, М.Н. Катковым, В.И. Ламанским.

Глава пятая «Словацкий национализм и русский панславизм в последней трети XIX в.» включает три параграфа, в которых на основе материалов периодической печати и архивных источников прослеживается процесс формирования в российской общественной мысли т.н. словацкого вопроса. Впервые в публицистике последней

трети XIX в. словацкая проблематика самостоятельно заявила о себе. С одной стороны, этому способствовали изменения в словацком национальном движении, где сформировалась национальная политическая программа. С другой, в России 1880-1890-х гг. на фоне роста панславистских настроений и отхода части европейских славянских лидеров от панславизма к австрославизму, словацкий вопрос работал на программы русского панславизма. Появление в 1871 г. книги Н. Данилевского «Россия и Европа» означало теоретическое оформление геополитических взглядов русских панславистов. На фоне развернувшихся в российской общественной мысли дискуссий вокруг этой книги, словацкая проблематика стала дополнительной аргументацией в пользу панславистов. Наиболее ярко эти дискуссии отразились на страницах «Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» (ИССБО–1883–1888 гг.) Журнал имел самые близкие контакты с редакцией словацкой газеты «Народные новости». На фоне общей картины славянского мира, мозаика которого складывалась на страницах журнала, в наиболее темных красках освещалось положение словаков в Австро-Венгрии. На его страницах читателей вновь знакомят с основными положениями трактатов Я. Коллара и Л. Штура. Сравнительный анализ русских «Известий» и словацких «Новин» подтверждает единую программу ее редакторов. Редакторами русского издания в разное время были В. Ламанский и А. Будилович, а словацкого – Я. Францисци, С. Гурбан-Ваянский, Й. Шкультеты. На страницах ИССБО развернулась дискуссия о восприятии термина панславизм, получили отражение все основные сюжеты словацкого национального движения того времени – усилившаяся мадьяризация, чешская «измена» славянскому миру, проблемы кодификации словацкого литературного языка. Особое место занимал вопрос об эмиграции словаков в США и роли евреев в этом процессе. Одной из самых ярких публикаций ИССБО, вызвавшей отклик не только в российской, но и европейской прессе, была статья А. Папкова «Невольничество у мадьяр», утверждавшая о возрождении янычарство в венгерском варианте. Факты, приводимые автором о размахе мадьяризации словаков, привели к тому, что в России был объявлен «кружечный сбор» в пользу угнетенных словаков. Антимадьярские и антиеврейские настроения отчетливо прослеживаются и в публикациях ИССБО и «Народных новостей».

Представленный в ИССБО и «Славянском обозрении» (1892-1894 гг.) словацкий вопрос был односторонне раскрыт перед российской

читающей публикой. А если учесть тот факт, что другие периодические издания России вообще не уделяли ему какого-либо серьезного внимания, вне поля зрения русского общественного мнения остался целый ряд сложных проблем словацкого национального движения последней трети XIX в.: студенческое движение словаков, ориентированное на сотрудничество с чешскими патриотами, деятельность провенгерски настроенных либеральных кругов словацкой интеллигенции, последствия североамериканской эмиграции для культуры и экономики словацкого народа и др.

Словацкий вопрос на страницах российской панславистской печати в определенной степени был использован ее издателями в собственных интересах. В первую очередь, подобранная словацкая тематика была хорошей иллюстрацией для формирования общественного мнения в пользу сторонников панславистской идеологии, а также дополнительным аргументом в дискуссии с оппонентами проводимой правительством национальной политики последних десятилетий XIX в.

Второй параграф пятой главы посвящен анализу русофильской деятельности словацкого публициста, политика С. Гурбан-Ваянского и его связям с Россией. В истории словацко-русских контактов последней трети XIX в. эта фигура занимает особое место. Мартинский центр стал средоточием словацкого русофильства, особенно благодаря деятельности Гурбана-Ваянского. Данное направление определяется в словацкой историографии как консервативное, продолжающее линию русского славянофильства в словацких условиях³⁹. Ваянский был представителем русофильского направления национально-оборонительной идеологии словацкого движения. Именно Ваянский «оживил» воззрения Штура на призвание России в будущей жизни славян. С именем Ваянского связана активизация словацко-русских связей в 1870-1880-е гг. Сам он был в России несколько раз: 1881 г., 1885 г. на Кирилло-Мефодиевских торжествах в Киеве, в 1887 г. на 900-летию принятия христианства на Руси.

В деятельности Ваянского более всего переплелись идеи словацкого национализма и русского панславизма последней трети XIX в., получив практическое воплощение в целой серии акций и мероприятий. Политическая программа Гурбан-Ваянского,

³⁹ Podrimavsky M. Rusofilstvo ako prejav narodnoobrannej ideologie slovenskeho narodneho hnutia v osemdesiatych a devatdesiatych rokoch 19 storocia // Historicke studie. XX. S. 102-139.

сформулированная в его публицистических сочинениях «Нынешнее положение словаков» (Славянский ежегодник. – Киев, 1884 г.), «Письмах из славянских земель» (Славянское обозрение. 1892 г.), «Письмах из Венгрии» (Московские ведомости, 1908 г.), исходила из традиции колларовской идеи славянской взаимности и концепции Л. Штура. Сторонниками идей Гурбан-Ваянского в России оставался узкий круг представителей панславистов – В. Ламанский, А. Будилович, А. Кулаковский, Д. Флоринский. Именно они помогали Ваянскому публиковать материалы в российской прессе, организовывали материальную поддержку его изданиям. В основу русофильской концепции Гурбан-Ваянского легли идеи сочинений В. Ламанского, Н. Данилевского и П. Кулаковского. Словацкое литературоведение подробно осветило проблему отрицательного отношения Ваянского к Л. Н. Толстому и словацкому толстовству, а также к творчеству И. Тургенева.

Трагизм этой фигуры состоит в том, что искренний русофил не был принят и понят молодым поколением словацких патриотов. Будучи в 1870-1880-е гг. ведущим представителем словацкого национального движения, возглавляющим мартинский центр, к началу 1890-х гг. Гурбан-Ваянский уже не признается лидером среди молодого поколения словацкой интеллигенции. Его русофильская деятельность пришлась на период, когда в словацком движении произошел раскол, и значительная часть этого движения примкнула к чешскому национальному движению.

Третий параграф пятой главы посвящен характеристике взаимоотношений представителя нового поколения словацкой интеллигенции, яркого сторонника идей Л.Н. Толстого, Д. Маковицкого. Этот сюжет словацко-русских взаимосвязей был рассмотрен в диссертационном исследовании как пример иного направления развития этих связей в условиях изменившейся политической ориентации словацкого национального движения в конце XIX в.

Своеобразие контактов Маковицкого и Толстого определяется тем, что Маковицкий не принадлежал к поколению словацких патриотов, которые в своей борьбе и программах ориентировались на царскую Россию. Он представлял направление так называемых гласистов (от названия журнала «Глас», начавшего выходить в 1898 г.), которые выступили против односторонней прорусской ориентации и были ориентированы на чешско-словацкую взаимность и сотрудничество. При

возникновении программы гласистов для определенной части этого движения имело значение их увлечение идеями русского писателя.

В заключении диссертации подведены основные итоги, сделаны выводы и обобщения.

Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей имела принципиально важное значение на всех этапах развития этих контактов в XIX в. В истории словацко-русского культурного взаимодействия синхронно проходили события, которые влияли на все проявления контактов словацких национальных лидеров, ученых и писателей с российскими общественными деятелями и учеными. Главными факторами, которые определяли интенсивность и характер словацко-русских взаимоотношений, были следующие:

1. Специфика каждого из этапов словацкого национального возрождения, связанная процессами мадьяризации в Австрийской империи, активности словацких лидеров, отношений с другими славянскими движениями (в частности с чешским);
2. Разработка и развитие основных теоретических положений концепции славянской взаимности идеологами словацкого, чешского и русского национальных движений;
3. Уровень развития славяноведения в России и рост интереса к славянству в целом;
4. Особенности взаимоотношений Российской и Австрийской империй и изменения места и роли славянского вопроса в силовом поле международной политики;

В связи с влиянием данных факторов в истории словацко-русских научных и культурных связей четко прослеживаются четыре этапа: 1. 1820-1830-е гг.; 2. 1840-1850-е гг.; 3. 1860-1870-е гг.; 4. 1878-1898 гг.

Первый этап, так называемый романтический период теории славянской взаимности, внешне имел характер чисто культурных, в частности литературных контактов. Эволюция идеи славянской взаимности, представленная на конкретном материале научных и культурных связей Коллара с российскими учеными и общественными деятелями в первой половине XIX в., показывает неоднозначность восприятия славянского вопроса в российском обществе. Первоначальный чисто научный интерес отечественных ученых, славистов к оригинальному творчеству словацкого писателя перерос в дальнейшем в искреннюю обеспокоенность судьбами родственного словацкого народа в «чуждом германо-венгерском

мире». Славянская тематика, как и славянский вопрос в целом, представляли для России первых трех десятилетий XIX в. чисто научный интерес. В этом смысле формировалось отношение к идее славянской литературной взаимности Коллара.

Первоначально российско-словацкие контакты проявились в научных и культурных связях первых университетских славистов России, издателей библиографических журналов, членов Российской императорской академии. Идеи Коллара, в первую очередь те, которые он выразил в поэме «Дочь Славы» и трактате о литературной взаимности, нашли отражение в российской периодической печати, в университетских лекциях первых профессоров кафедр славянских наречий и литератур.

На втором этапе развития словацко-русских связей появляются новые оттенки развития идеи славянской взаимности Коллара в России, которые принесли 1840-е гг. Это было связано во многом с изменением характера славянского движения в Австрийской империи, а в России - с деятельностью М.П. Погодина и министра народного просвещения С.С. Уварова. По инициативе С. Уварова и М. Погодина начинается материальная поддержка лидеров западнославянских движений. Появление лозунга опасности «славянской стихии» для империи Габсбургов, совпавшее с некоторым охлаждением в русско-австрийских отношениях - все это ставило славянский вопрос в прямую зависимость от политической конъюнктуры.

Революция 1848-1849 гг. в Европе выдвинула славянский вопрос в число первоочередных для Австрийской империи. Новое звучание идеи славянской взаимности приобрело и в России. Кроме революции 1848-1849 гг., важным рубежом в изменении отношения к славянским объединительным движениям была Крымская война и поражение в ней России.

Изменились и условия, в которых проходило развитие словацкого национального движения в Австрийской империи. Еще в разгар военных событий 1849 г. министр внутренних дел Австрийской империи предложил правительству проект разделения Венгрии на самоуправляющиеся национальные провинции. Одной из них должна была стать Словакия, благодаря чему воплотилась бы словацкая политическая программа мая 1848 г. Однако в противоположность ей уже с октября 1848 г. словаки отошли от венгерской платформы и стали добиваться решения проблемы в сотрудничестве с Венной в общеавстрийском масштабе.

В 1861 г. в Мартине был принят «Меморандум словацкого народа», суть которого заключалась в предоставлении ограниченной автономии в рамках Венгрии. Возникают общенациональная надконфессиональная организация Матица словацкая (1863-1865 гг.), первая политическая партия словаков – Словацкая национальная партия (1860 г.), с деятельностью которых связан новый этап развития словацкого национального движения и словацко-русских научных и культурных связей. Участие словаков в Московском славянском съезде повлекло за собой усиления обвинений со стороны венгерских властей лидеров словацкого национального движения в панславизме. Время после съезда совпадает с таким важным для рассматриваемых процессов событием как образование дуалистической монархии Австро-Венгрии после поражения Австрии в австро-прусской войне 1866 г.

Дальнейшее развитие словацко-русских связей второй половины XIX в. проявило себя в тесном переплетении таких явлений как словацкий национализм и русский панславизм. Роспуск в 1878 г. Московского славянского комитета, охлаждение к славянскому вопросу со стороны некоторых российских общественных деятелей, раскол в славянском движении и возникновение идеи австрославизма сделало словацкий вопрос в российском общественном мнении чуть ли не единственным аргументом в панславистической пропаганде. Верность идее славянской взаимности в период, когда к ней охладело основное число участников славянских движений, проявилось в развитии словацко-русских связей последней трети XIX в. Лишь с возникновением нового направления в словацком национальном движении (гласистов с 1898 г.) словацко-русские связи приняли иной характер и обрели новое содержание в период возникновения неославизма в Европе и России.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. / Научная монография. – Йошкар-Ола, 1998. – 206 с.
Рецензии: Historický zborník.10. – Č.1. – Matica slovenska, 2000. – S. 166–168; Slovanský přehled. –Praha, 2002. Č.1 –S. 92–93.
2. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. / – Казань: Издательство Казанского университета, 2005 . – 280 с.

Статьи, опубликованные в ведущих научных журналах

1. Рукопись Яна Коллара «Боги Ретры» в ЦГИА СССР // Советское славяноведение . - 1991. - № 2. - С.103-106.
2. Ян Коллар и Россия // Российское общество и зарубежные славяне: Балканские исследования. - Вып. VI . - М.: РАН, 1992. - С.5-13.
3. Возвращение к традиции общеславянских изданий // Славяноведение . -1998. - № 1. – С.116-120.
4. Идеи панславизма в творчестве русинского патриота А.И. Добрянского // Славянский альманах. – М.: Издательство «Индрик», 2000. -С.134-144.
5. Словацкий вопрос на страницах российской периодической печати последней трети XIX в. (ИССБО) // Вестник Московского университета – 2001. №2.- С. 53-71.

Статьи в зарубежных изданиях

6. Neznámý rukopis diela Jána Kollára // Historický časopis .- Bratislava, 1986. – Č. 6.- S.907-914.
7. Ján Kollár a ruskí slavisti v prvej polovici 19. storočia // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Historica. –R.XXXVIII. – Bratislava, 1988.- S.59-70.
8. Ľudovít Štúr a ruskí panslavisti v poslednej tretine 19.storočia // Ľudovít Štúr v súradniciach minulosti a súčasnosti.- Martin: Matica Slovenska, 1997.- S.179-195.
9. Slovenská otázka v ruskej periodickej tlači poslednej tretiny 19. storočia // Proglas. –Bratislava, 2004.- Č.1. -S.27-33.
10. Ruský panslavizmus a slovenský nacionalizmus d dejinách ruskej a rakúsko-uhorskej monarchie v poslednej tretine 19.storočia //

Národnostná otázka v strednej Európe v rokoch 1848-1938. –Prešov, 2005. – S.108-119.

Статьи в российских изданиях

11. Русско-словацкие научные контакты в первой половине XIX в.: И.И. Срезневский и Ян Коллар // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время. – Йошкар-Ола, 1990. – С.98-108.
12. Словацкий патриот Ян Коллар и Россия : Историография проблемы // Вопросы историографии зарубежной истории. –Йошкар-Ола, 1991. – С.142-157.
13. Миссия С. Сабинина в Веймаре // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время. - Йошкар-Ола, 1991. - С.120-129.
14. Идея славянской взаимности в России // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист : к 200-летию со дня рождения. – М.: РАН, 1993.- С.3-13.
15. П.П. Дубровский и общеславянское издание «Денница» // Политика и культура стран Европы и Америки. – Часть 1.- Йошкар-Ола, 1994.- С.78-85.
16. «Идеи философии истории человечества» Гердера и современные национальные проблемы // Актуальные проблемы полиэтнического региона и перспективы народов России .- Йошкар-Ола, 1995. –С. 15-17.
17. Особенности формирования национальной идеологии в обществе с неполной социальной структурой (на примере славянских народов Австрийской империи) // Актуальные проблемы полиэтнического региона и перспективы народов России .- Йошкар-Ола, 1995. – С. 50-52.
18. Словаки на славянском съезде 1848 г. в Праге // Славянские съезды XIX –XX вв. – М.: РАН, 1995. –С.30-40.
19. Словаки и панславизм в России // Молодая наука Марий Эл. – Йошкар-Ола, 1995. – С.44-54
20. Словацкая эмиграция в США накануне Первой мировой войны // Политика и культура стран Европы и Америки.- Йошкар-Ола: Издательство Маргосуниверситета, 1996.- С.29-39.
21. Панславизм в общественной жизни России в последней трети XIX в. // Путь России: прошлое, настоящее, будущее. –Йошкар-Ола, 1996. – С.38-48.
22. Панславизм в российской периодической печати второй половины XIX в. // Исторические очерки.- Йошкар-Ола, 1997.- С.126-130.

23. Российско-словацкий диалог последней трети XIX в.: русский панславизм и словацкий национализм // Диалог культур и культурная политика государства в полиэтническом регионе.- Йошкар-Ола, 1997. –С.78-86.
24. Словаки и Пражский съезд 1848 г. // Славянские движения XIX- XX вв.: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. – М.: РАН, 1998. –С.29-48.
25. Канун Славянского съезда 1867 г.: трактат Л. Штура «Славянство и мир будущего» // Славянские движения XIX- XX вв.: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. – М.: РАН, 1998. – С.73-94.
26. Идеи панславизма в творчестве русинского патриота А.И. Добрянского // Вопросы зарубежной и отечественной истории / Научные труды кафедры истории Марийского госпединститута к 85-летию профессора В.М. Тарасовой. – Йошкар-Ола, 1999. –С.55-65.
27. «Этнические парадоксы» и современные национальные теории // Этнологические проблемы в поликультурном обществе. – Йошкар-Ола, 2000. – С.48-52.
28. Л.Н. Толстой и Д. Маковицкий // Вестник Марийского государственного педагогического института. –Йошкар-Ола: МГПИ, 2004. –С.77-86.
29. Словацкие сюжеты в творчестве А.Н. Пыпина // А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. –М.: РАН, 2005. –С.145-150.
30. История термина «панславизм» в зарубежной и отечественной историографии // Актуальные проблемы всеобщей истории. – Йошкар-Ола: Издательство Марийского госуниверситета, 2005 (в печати).

Тезисы на научных конференциях

31. Идея славянской взаимности в русской периодической печати первой половины XIX в. // Тезисы докладов и сообщений XII Всесоюзной конференции историков-славистов. 25-27 января 1990 г. - М., 1990.- С.70-71.
32. Русско-словацкие контакты в первой половине XIX в. // Социально-экономические проблемы России и Марийского края :Тезисы докладов и сообщений к научной конференции / МГПИ им. Н.К. Крупской . – Йошкар-Ола, 1990.- С.15-17.
33. Славянская проблематика на страницах «Отечественных записок» // Тезисы докладов и сообщений к научной конференции / МГПИ им. Н.К. Крупской. – Йошкар-Ола, 1990. – С.24-26.

34. Российская интеллигенция и идея славянской взаимности в первой половине XIX. // Поиск новых подходов в изучении интеллигенции: проблемы теории, методологии, источниковедения и историографии : Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции. Иваново, 13-15 сентября 1993 г.- Иваново, 1993.- С.311-313.
35. Российская интеллигенция и идея славянской взаимности в XIX в. // Тарасовские чтения : Тезисы докладов научной конференции 15-16 марта 1994 г., Йошкар-Ола. –Йошкар-Ола, 1994. –С.23-25.
36. Идея славянской взаимности у словаков: из опыта национальных движений европейских народов в XIX в. // Самоопределение и автономия народов России: Исторический опыт и уроки / Материалы Всероссийской научной конференции 26-27 октября 1995 г. , Йошкар-Ола. – Йошкар-Ола, 1995. – С.24-25.
37. Славянский вопрос во внешней политике России после Крымской войны // Вторые Тарасовские чтения : Тезисы докладов научной конференции 14-15 марта 1995 г., Йошкар-Ола. – Йошкар-Ола, 1995. – С.63-64.
38. Австро-Венгерская империя: национальная политика в Транслейтании // Империи нового времени: типология и эволюция. Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. – СПб.: Издательство СПб. унив-та, 1999. – С.206-209.